DIOMEDIA / ALAMY

Свадьба родителей Аймоне ди Савойя Аоста: принца Амедео ди Савойя Аоста и принцессы Клод Орлеанской

продажей из России в Китай. И вот однажды летом — август, в Италии каникулы, наш коммерческий директор в отпуске — генеральный директор позвонил мне: «Слушай, даже не знаю, как это организовать, но мне нужен кто-то, чтобы лететь во Владивосток. Там застряла партия арматуры, которую мы должны отгрузить, и никто не может ее найти. Можешь поехать? Ты единственный, кто не женат и кто както мог бы это сделать». Конечно, я решил, что с удовольствием поеду во Владивосток. Тогда, в 92-м году, Владивосток был чем-то чудесным, особенно для иностранца, который не говорит ни слова на русском. Если кто-то на каком-то иностранном языке там и говорил, это был японский, но никак не английский. В общем, приключений у меня было много. Сразу скажу, что арматуру я тогда не нашел, зато провел еще пару недель в Москве. Познакомился со многими бизнесменами, которые стали открывать здесь рестораны, начали возить любой товар, который как-то можно было продавать. Можно сказать, что в тот момент я влюбился в Россию, как несколько поколений назад влюблялись в Америку, считали ее land of opportunities.

— Как Россия стала местом вашего постоянного обитания?

— Та фирма, где я работал, через шесть месяцев обанкротилась — не по моей вине и не оттого, что я не нашел арматуру, просто такая жизнь. Я работал там со своим родственником, которому сказал: «Мне кажется, надо переехать в Россию. Здесь, в Италии, нам нечего делать, а там сейчас все происходит». Так мы и сделали.

— Что чувствует человек, чьи семейные корни уходят далеко вглубь итальянской истории, приехав в страну, где за 60 лет связь с аристократией была полностью обесценена?

— Мне кажется, везде в любой исторический момент сохраняется дух нации независимо от режима. Советский период или царский — неважно, я всегда говорю, что на самом деле история вряд ли объективна. Ее перепишут так, как надо ее понимать в тот момент, когда это изучается и используется. Любой исторический факт можно представить так, как вы хотите. Когда я приехал в Россию, в книгах по истории было написано, что Николай Второй — Кровавый. А сегодня он Святой. Но ведь факты не менялись, менялась только оценка, причем очень сильно, кардинально.

— Что вы больше всего любите в России и что вам больше всего здесь мешает?

— Ответ будет очень простой. Ровно 50% изменений в моей жизни — это Россия, потому что из моих пятидесяти лет двадцать пять я провел здесь. Так что половина моей жизни и в хорошем, и в плохом зависит от России. Больше всего я люблю то, что здесь никогда не бывает скучно. И это же я больше всего ненавижу: планировать хоть что-то здесь очень сложно. Думаю, я вам ответил.

— Вы возглавляете российское представительство Pirelli с 2000 года. 18 лет в чужой стране — большой срок и для человека, и для компании. Что изменилось здесь для вас за эти годы?

— Когда в начале 2000-х меня взяли на работу, у нас в России было коммерческое представительство, даже не фирма. Потихонечку бизнес развивался, стало интереснее, и в 2007 году было принято решение исследовать возможности производства в стране. Можно считать, что с этого момента Pirelli в России задумался о стратегическом подходе. А сегодня — вот посмотрите: мне вручили орден Дружбы. Думаю, эта награда говорит о результате нашей стратегии.

— «За вклад в реализацию крупных российско-итальянских экономических проектов и привлечение инвестиционных средств в экономику Российской Федерации» — да, серьезный повод для гордости.

— Это прекрасный результат, которым я очень горжусь и благодарен за него России. Образ Pirelli сегодня — это инновации. Скоро шина будет говорить с вами, и это будет заслуга Pirelli. (*Смеется.*) Шины будут улучшаться до тех пор, пока улучшается автомобиль.

Амедео ди Савойя Аоста и Витторио Эмануэле ди Савойя

— Да, главное, как вы однажды сказали, чтобы не изобрели автомобиль без колес.

— Правильно.

— Как связь с премиальным автомобильным сегментом влияет на ваш собственной стиль? Вы в свое время говорили, что каждый мужчина мечтает о Ferrari. А сами на чем ездите?

— На немецкой машине, Audi.

— Но шины-то, шины хотя бы...

— А какие, вы думаете? Здесь, по-моему, вариантов просто нет. Я беспокоюсь о своей безопасности, поэтому использую шины, в которых уверен. Ну а Ferrari — мечта, правильно. Когда-то и у меня будет Ferrari. Ну или не будет, это не так важно.

— Не любите быстрой езды?

— Конечно, люблю! Но сегодня, вы знаете, в Москве за быструю езду штрафуют. Чтобы иметь Ferrari, надо иметь и возможность гонять его где-то на полигоне, иначе скучно. А я пока обхожусь без больших скоростей.

— Трудно говорить о Pirelli, не упомянув о вашем календаре. Красивые женщины, выдающиеся работы фотографов — что компания посредством этого календаря говорит миру?

— Думаю, неправильно говорить, что Pirelli хочет что-то сказать миру. В работе над календарем Pirelli дает фотографам полную свободу сказать то, что они хотят, потому что только фотограф решает, каким будет календарь.